

**СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ**

В статье представлена рефлексия автора по поводу различий в мере субъективности исследователя в трех основных парадигмах эмпирического знания в социологии: классической, качественной и активистской. Субъективности декларируемой, методологически заданной, и реальной, существующей в «живом» эмпирическом исследовании. Анализируется соблазн увидеть хронологически обусловленное движение субъективности исследователя от полного ее исключения до полного ее включения в процесс социологического исследования, доказывається невозможность использования идеи «прогресса познания» для такого угла зрения.

Ключевые слова: субъективность исследователя, парадигма, классическое социологическое исследование, качественное исследование, метод интервенции, действующее лицо, ценностная нейтральность знания.

Прежде всего, видимо, необходимо договориться о понятиях. Поскольку четкого эссенциалистского (сущностного) представления о том, что же такое субъективность исследователя, в литературе практически нет, можно попытаться определить его феноменологически. Это означает, как известно, фиксирование черт явления субъективности исследователя, как она (субъективность) является или потенциально может являться в социологическом исследовании. В этом ключе субъективность исследователя — это: личностная иерархия его ценностных ориентаций, мировоззрение, включая и политические установки, его габитус, особенности эмоциональных откликов, ряд других индивидуальных характеристик психо-физиологических процессов и т. д. — словом, некоторая совокупность индивидуально-личностных черт, которые составляют его (исследователя) человеческую уникальность.

Это скорее феноменологическое определение можно дополнить еще и апофатическим: субъективность познающего субъекта — это все то в субъективном мире

* © Готлиб А.С., 2012

Готлиб Алла Семеновна (angotlib@samtel.ru), кафедра методологии социологических и маркетинговых исследований Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

исследователя, что остается *за бортом* (вне) исследовательской роли, содержание которой в различных парадигмах эмпирического исследования принципиально разное, но тем не менее в методологическом плане достаточно определенное.

Известно, что в *классическом социологическом исследовании* как особом типе, построенном по лекалам нововременной формы научного знания, *методологически* субъективность исследователя изгоняется из процесса исследования. Здесь познающему субъекту *не доверяют*, считая его со времен Декарта и «метода сомнения» «эгоистическим Я, творящим произвол, имеющим ум, отягощенный различными “идолами”, предрассудками, интересами и предпочтениями» [1, с. 12].

Такой «неправильно» познающий субъект не в состоянии дать истинное, соответствующее изучаемому социальному феномену знание, знание – зеркало, на получение которого и ориентирован Проект научного знания. Исследователь как *конкретный целостный человек* со своими эмоциями, взглядами на жизнь, ценностно ориентированными предпочтениями заменяется в классическом социологическом исследовании фактически *абстрактным гносеологическим субъектом*, «фикцией», только правильно мыслящим, лишенным чувств и эмоций, а потому «частичным» [1, с. 84] познающим субъектом. На методическом уровне это методологическое требование проявляется в стремлении минимизировать «эффект интервьюера», подвергать проверке на надежность измерительные процедуры, использовать математику в качестве единственного средства доказательности выводов.

Следует сказать, что в «*живом*» исследовании такая методологически отвергаемая субъективность исследователя все же присутствует, хотя сам этот факт значимости личностных черт исследователя практически на всех этапах классического социологического исследования отрицается или замалчивается. В самом деле, нельзя отрицать тот факт, что от иерархии ценностных ориентаций исследователя, его интересов, жизненного опыта зависит как постановка исследовательских задач, так и процедура операционализации основных понятий исследования, выбор конкретных операциональных определений из ряда возможных. Видимо, прав Л. Ионин, который, ссылаясь на исследования немецкого ученого К. Кнорр-Цетины, убедительно говорит о том, что «критерии выбора проблемы иногда не имеют даже косвенного отношения к науке как таковой» [2, с. 364]: исследователь руководствуется чем угодно, только не имманентной логикой предмета исследования.

Нельзя отрицать также и того, что все эти и другие необходимые элементы организации социологического исследования в значительной степени детерминируются принадлежностью исследователя (и осознанием им этой принадлежности) к той или иной социологической школе, традициям, сложившимся в культуре того социологического сообщества, с которым исследователь себя идентифицирует.

Существенно влияние субъективности исследователя и на такой важнейший компонент любого исследования, как интерпретация полученных данных, несмотря на полную обеспеченность этой процедуры результатами статистической обработки социологической информации: небезызвестный стакан, который при одном и том же количестве воды может быть проинтерпретирован как «наполовину пустой» или «наполовину полный» очень хорошо иллюстрирует возможность различного прочтения одних и тех же статистически обработанных данных, зависящую в значительной степени от мировоззрения исследователя, его политических установок, гражданской позиции.

В *методологии качественного социологического исследования* субъективность исследователя не изгоняется из процесса исследования. Напротив, понимание как способ познания в методологии качественного социологического исследования предполагает *возвращение исследователя как конкретного человека* в единстве его рациональ-

ной и эмоциональной ипостасей в исследовательский процесс, хотя это возвращение и неполное, и неполноценное.

И понимание в веберовском значении этого термина как приписывание смысла действию изучаемых людей, понимание их «мотивов для» и «мотивов что», «распутывание ткани социального взаимоотношения посредством интерпретации поступков других людей с субъективной точки зрения действующего» [3, с. 110], и понимание в дильтеевском смысле как основанное на вчувствовании, эмпатии тем более всегда осуществляется не абстрактным гносеологическим субъектом, но исследователем — конкретным человеком, «наивно живущим в социальном мире» так же, как и изучаемые им люди [3, с. 108]. Исследователь всегда интерпретирует (понимает), исходя из своей «биографически детерминированной ситуации», говоря языком А. Шюца, из своего «запаса наличного знания», понимаемого как комплекс уже накопленных, предыдущих смыслов, «осажденных» в сознании всей прошлой сознательной жизнью.

Конечно, угол зрения познающего субъекта как исследователя и как человека, живущего «среди других людей в единственном и едином жизненном мире» [3, с. 13] *не совпадают и не могут совпасть*. Человек, наивно живущий, испытывает к миру отчетливо выраженный *практический интерес*, в то время как наука, как известно, предполагает особую установку — *установку незаинтересованного наблюдателя*: «ученый не участвует в жизненном мире как действующее лицо и уже не захвачен в своих действиях живым потоком интенциональностей» [3, с. 28]. Вместе с тем такая фундаментальная модификация позиции, и здесь надо согласиться с А. Шюцем, методологически не отменяет возможности и необходимости обращения исследователя в своей научной работе к собственному переживанию жизненного мира, то есть к включению в исследовательский процесс собственной субъективности.

В реальных, «живых» качественных исследованиях, и это показывает мой исследовательский опыт, субъективность социолога присутствует в полной мере, порой оттесняя на задний план или перечеркивая вовсе требуемую методологией отстраненную исследовательскую позицию. Мое исследование 2004 г., где в качестве объекта выступали российские социологи, имеющие опыт качественных исследований (всего было опрошено 25 действующих социологов), убедительно показало их глубокую эмоциональную включенность в увиденное и услышанное в процедуре исследования [4, с. 286]. Более того, качественное исследование может выступать для социолога полем экзистирования: выбирая тему или объект изучения, и это показало исследование, социологи довольно часто пытаются ответить на вопросы, мучившие их, экзистенциально значимые для них. Здесь качественное исследование выступает для исследователя ответом на «проклятые вопросы», поставленные самой жизнью, формой разрушения стереотипов, переопределения границ привычного, провоцируя тем самым познание им самого себя, движение к подлинному в себе, глубинное изменение.

Подводя итоги анализа включения субъективности исследователя в пространство качественного исследования, хочется подчеркнуть неполноту и определенную противоречивость этой методологической позиции, наиболее явно проявляющуюся в *научном направлении* качественных исследований, хотя речь идет не о нововременной форме научности¹. Да и в реальности конкретного качественного исследования (научное направление преимущественно) совместить несовместимое, кентаврически соединить разнородное крайне трудно. Не случайно ряд западных исследователей настаивает на необходимости ведения дневника в процессе исследования, куда социолог дол-

¹ Сегодня можно выделить целый ряд других направлений качественных исследований: собственно гуманистическое, ситуационное, постмодернистское (арт. направление), которые не являются научными [см.: 4].

жен методично записывать свои мысли, чувства, переживании по поводу того, что он наблюдает и слышит. Записи должны помочь исследователю сделать выводы ценностно нейтральными, бесстрастными, исключив влияние своей субъективности на результаты анализа социальной ситуации.

В определенной мере стремление минимизировать субъективность исследователя проявляется и в «grounded theory», самой «количественной» из всех качественных исследовательских практик (речь идет прежде всего о версии А. Страусса) [4, с. 162] и одновременно самой научной: здесь постулируется необходимость кодирования получающейся информации (транскрипта интервью или данных включенного наблюдения) с помощью группы. При этом побеждает тот смысл анализируемого слова или фрагмента текста, который разделяет большинство членов группы [5, с. 24]. Своеобразная внутренняя триангуляция здесь направлена на то, чтобы уменьшить влияние субъективности одного исследователя, получить объективное знание, понимаемое вслед за А. Шюцем как проверяемое, контролируемое знание.

Принципиально другое положение исследовательской субъективности в *активистской парадигме* эмпирического исследования, ориентированной не только на объяснение и понимание социальной ситуации, но и на ее *изменение*. В частности, в *методе интервенции*, предложенном А. Туреном [6, с. 118] исследователь должен *активно и лично вмешиваться*, «чтобы увлечь действующее лицо к наиболее фундаментальным из его отношений» и тем самым помочь перейти «действующему лицу» «от поведения — ответа на устоявшийся порядок и адаптации к поведению проекта и конфликта». Называя свой подход «интенсивным» в противоположность «экстенсивному», реализуемому в классическом социологическом исследовании, А. Турен ставит перед социологом задачу изучения «производства общества», то есть «способов производства обществом своих культурных моделей, социальных отношений и практики» вместо анализа форм и уровней социального участия, чем, как известно, занимается классическое социологическое исследование.

Такое видение задач социологии определяет и выбор объекта исследования: им становятся конкретные действующие лица (ограниченные группы) — активисты общественных движений, помещаемые в искусственные, почти экспериментальные ситуации. Причем условия, в которые помещаются «группы интервенции», должны быть такими, по мысли французского социолога, чтобы они в большей степени ощущали себя «производителями истории, историй, изменения собственного положения, чем в обычной жизни» [6, с. 121]. При этом активисты вовсе не прекращают своей деятельности, но оставаясь активистами, полагает А. Турен, включаются в аналитическую работу. Группа активистов должна иметь собеседников, выбираемых самими группами и представленными «дружественными или враждебными социальными партнерами по социальной жизни» [6, с. 121]. Это могут быть работодатели и наемные рабочие, государственные руководители и диссиденты, колонизаторы и колонизованные и т. д.

Назначение исследователей в этом методе заключается в том, чтобы направлять обмен мнениями беседующих сторон, стремясь избежать прекращения дискуссии. Конечной целью метода интервенции, по мнению А. Турена, является «развитие сознания действующего лица», поэтому собственно предмет социологического анализа здесь — самоанализ группы. Конечная цель в этом методе, в терминологии автора, достигается с помощью ряда промежуточных: преобразование экспериментальной группы как «свидетелей» изучаемого процесса в «группу-лица», которое достигается посредством *поворота*, состоящего в установлении дистанции по отношению к практике и в выработке общих ее интерпретаций. Наряду с этим исследователь должен осуще-

ставить *конверсию* (терминология автора), состоящую в том, чтобы представить группе образ общественного движения, который придает действию *его самый высокий смысл*.

Французский социолог говорит о вынужденной драматической форме конверсии, «так как речь идет о том, чтобы извлечь некое значение сложной практики и заставить признать, что оно дает свой смысл другим аспектам действия». При этом самые важные вопросы, которые надо решить в процедуре реализации метода, по мнению А. Турена, следующие: как группа ведет себя в отношении этой гипотезы (вброшенный социологом «высокий смысл» обсуждаемых действий здесь называется гипотезой. — А.Г.). Вызывает ли эта гипотеза ясные и устойчивые реакции, делает ли она более понятными отношения членов группы между собой? Позволяет ли она по-новому интерпретировать их прошлое действие, также как и историю группы? И наконец, самое главное: позволяет ли она группе разработать программу действий, представить «ответы, которые она может возбудить».

Положение исследователя в активистской парадигме *двойственное*. С одной стороны, он должен увлечь группу, взяв на себя инициативу представить ей образ ее самой, соотнося это с потенциальным значением действия — максимально возможным его смыслом. Такая позиция отрицает традиционную «личностную нейтральность» исследователя, предполагая, напротив, *личностную включенность* в процесс исследования. Здесь социолог должен стать аргументированным защитником определенной точки зрения, что осуществить практически невозможно, включая в процедуру защиты и обоснования только рациональные суждения: здесь нужны кроме всего прочего ценностная близость к «группе интервенции», страсть, эмоциональная вовлеченность, потребность быть принятым в группе, может быть, стремление стать лидером группы.

С другой стороны, исследователь, продолжает свою мысль А. Турен, для того, чтобы осуществлять эффективный самоанализ, должен одновременно *соблюдать дистанцию* с группой, играя при этом достаточно распространенную в социологии роль. Понимая, что совмещение этих противоположных требований практически невозможно в одном человеке, А. Турен предлагает в процедуру исследования ввести двух исследователей: «истолкователя» (первая позиция) и «аналитика» (вторая позиция), которые «должны трудиться бок о бок» [6, с. 123]. В активистской методологии (в ее туреновской версии), таким образом, субъективность исследователя вводится достаточно «весомо, грубо, зримо», хотя и дополняется дистанцированной позицией.

При оценке различий в использовании исследовательской субъективности в трех анализируемых парадигмах социологического исследования возникает соблазн сделать вывод о том, что социология движется от исключения субъективности исследователя из познавательного процесса к ее полному включению в него в качестве источника знания (может быть, дополнительного источника): тем более что хронологически эти парадигмы возникали в социологии как раз во временной последовательности от классической к активистской. Вместе с тем этот вывод был бы неправилен, на мой взгляд.

Современная социология познания, соответствующая закату эпохи модерна, отбрасывает *идею прогресса познания* (идея прогресса вообще становится непопулярной), обязательного приоритета нового над старым. Напротив, она утверждает *«идею одновременности* всего, что было, есть и будет в истории... и относительности, артефактивности всего, что когда-то казалось объективным, надежным, непоколебимым» [2, с. 368]. Применительно к социологии это означает, что каждая из парадигм, реализуя *проект научного знания* в его классической и неклассической формах, ориентируясь на разные исследовательские задачи, задает *свой масштаб, свою меру включения* исследовательской субъективности в познавательный процесс. При этом *дистан-*

ция, *отстраненность* исследователя принципиально остается в любой парадигме главным условием получения *научного знания* как продукта исследования.

Вместе с тем, если социология, развиваясь, будет ориентироваться на производство *ненаучного или вненаучного знания* (как это делают гуманитарные науки, философия или как это происходит в некоторых направлениях качественных социологических исследований), возможно и полное (полноценное) возвращение исследователя в познавательный процесс. Однако в этом случае возникнут эпистемологические проблемы обоснования этого знания, доверия к нему, ответственности исследователя. Впрочем, это уже совсем другая тема.

Библиографический список

1. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические заметки. М.: Прогресс-традиция, 2003.
2. Ионин Л.Г. Социология в обществе знания. От эпохи модерна к информационному обществу. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
3. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.
5. Strauss A. Qualitative analysis for social scientists. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
6. Турен А. Возвращение человека действующего. М.: Научный мир, 1998.

*A.S. Gotlib**

THE SUBJECTIVITY OF THE RESEARCHER IN SOCIOLOGICAL RESEARCH: PARADIGM DIFFERENCIES

In the article the reflection of the author about the differences in the measure of subjectivity of the researcher in three basic parameters of empirical knowledge in sociology which are classical, qualitative and activist is presented; the subjectivity which is declared, methodologically given, and real, which exists in «live» empirical study. The temptation to see chronologically determined movement of subjectivity of the researcher from its full exclusion up to its full inclusion in the process of sociological research is analyzed; the inability to use the idea of the «progress of learning» for such angle of vision is proved.

Key words: subjectivity of the researcher, paradigm, classical sociological research, qualitative research, method of intervention, character, value neutrality of knowledge.

* *Gotlib Alla Semenovna* (angotlib@samtel.ru), the Dept. of Methodology of Sociological and Marketing Researches, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.